

Екатерина Свет
Таня Белкова



Мой хирург. Земский крест

Таня Белкова

Мой хирург. Земский крест

«Автор»

«Автор»

2026

Белкова Т.

Мой хирург. Земский крест / Т. Белкова — «Автор», «Автор»,
2026

Меня отправили в таежный Зареченск после предательства человека, которому я доверяла восемь лет. Думала, хуже уже не будет. Но в моей новой больнице гаснет свет, чиновники готовят приказ о закрытии, а местный хирург встречает меня так, будто я его личная катастрофа. Степан Яров — упрямый великан с золотыми руками. Он не верит столичным начальникам, я не терплю приказов. Зато рядом с ним впервые хочется не держать оборону, а остаться. Теперь нам предстоит отстоять больницу, которую хозяин района решил стереть с земли. Только как доверить сердце мужчине, привыкшему спасать всех, кроме самого себя? И хватит ли у нас сил защитить людей, если враг ударит туда, где мы беззащитны?

© Белкова Т., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Екатерина Свет

Мой хирург. Земский крест

Мой хирург. Земский крест
Екатерина Свет и Тania Белкова

Глава

1

Холодные ноябрьские струи хлестали в ветровое стекло служебного уазика с такой яростью, будто тайга решила вытолкнуть нас обратно в цивилизацию. Дворники надсадно скрипели, размазывая по стеклу серую кашу из дождя и первого мокрого снега. Шесть часов бесконечных выбоин и мохнатой лесной тьмы наконец оборвались: фары выхватили из мрака чугунные ворота и массив двухэтажного дореволюционного корпуса с высокими стрельчатыми окнами — Зареченскую центральную районную больницу.

В ту же секунду в окнах нервно мигнул и с сухим треском погас желтый свет. Больничный городок утонул в темноте. Лишь на заднем дворе надсадно захлебывался и грохотал тяжелый металлический стук.

— Дизель встает, — буркнул шофер, дядя Федор Михайлович, глуша мотор. — Опять сосна на провода легла. Приехали, Анна Сергеевна.

Я сжала в руках кожаную папку с министерским приказом о моем назначении главным врачом. Там, на гербовой бумаге, стояли сухие строки об оптимизации лечебного процесса, а здесь ревела стихия.

Распахнув дверцу, я ступила прямо в липкую зареченскую глину. Подошвы модельных сапог мгновенно утонули в грязи. Ледяной шквал сорвал с головы капюшон шерстяного пальто, бросив в лицо пригоршню колкой воды, но я лишь плотнее запахнула воротник и зашагала на звук надсадного мотора.

Будка аварийного генератора была открыта настежь. В сизом облаке солярочного чада на коленях перед дизелем стоял широкоплечий богатырь в распахнутой холщовой куртке поверх темного хирургического костюма. Рукава были закатаны до локтей, открывая бугристые, перепачканные мазутом предплечья. Мужчина всем весом наваливался на чугунный маховик ручного пускателя, скрежеща зубами от яростного усилия.

— Прекратите немедленно! — крикнула я, перекрывая гул ветра. — Вы заливаете цилиндры! Где дежурный техник? Предъявите допуск!

Великан даже не обернулся. Чугунный обод поддался на четверть оборота и со скрежетом встал.

— Я требую прекратить самоуправство! — я сделала решительный шаг вперед, встав между маховиком и человеком.

Мужчина резко выпрямился. Ростом под два метра, широкоплечий, с обветренным лицом и тяжелым гранитом скул, он навис надо мной грозной скалой. Лоб перечеркивала полоса мазута, а серые глаза из-под насупленных бровей полыхнули яростным, не знающим сомнений огнем.

Он не стал спорить. Его огромная ладонь сомкнулась вокруг моего предплечья выше локтя. Сквозь плотное сукно пальто я почувствовала такую несокрушимую мужскую мощь, что у меня перехватило дух. Одним легким, бережным движением он сдвинул меня в сторону от открытого блока:

— Не стой под струей, женщина. Обварит.

— Что вы себе позволяете?! — задохнулась я от гнева. — Я кандидат медицинских наук Анна Сергеевна Власова, новый главный врач района! За срыв энергоснабжения и нападение вы пойдете под суд!

Дизель в этот миг оглушительно выстрелил в глушитель, выбросив сноп искр. Топливная трубка лопнула у штуцера, и струя солярки ударила в кирпичную стену.

Мужчина выругался и носком сапога подтолкнул к моим ногам тяжелый разводной ключ:

— Раз кандидат наук — хватай ключ! Держи нижнюю контргайку штуцера снизу, пока резьбу не слизало! Либо через минуту в терапии встанут три аппарата искусственной вентиляции, и твои министерские циркуляры пойдут напрямик в морг! Держи, говорю!

Слова хлестнули наотмашь. Но перед глазами мгновенно встали задыхающиеся больные на ИВЛ. Врачебный инстинкт победил чиновничью спесь в долю секунды. Сорвав лайковые перчатки прямо в грязь, я опустила колени в мазутную жижу и намертво захватила губками ключа ледяной штуцер у самого блока.

— Держу!

Мужчина навалился накидным ключом сверху. Его мокрая горячая ладонь легла прямо на мои пальцы — жесткая, шершавая, обжигающая. Нас словно замкнуло электрической дугой. Металл взвизгнул, сорванная резьба встала на упор. Дизель чихнул и мощно, ровно загудел, набирая обороты. В окнах главного корпуса один за другим зажглись спасительные желтые огни.

Я поднялась с колен, пытаюсь расправить безнадежно испачканное пальто:

— Генератор работает. Теперь назовите себя.

Из темноты двора к нам выбежала молоденькая медсестра:

— Степан Андреевич! Давление в кислородной магистрали падает! А с делянки лесовоз везет вальщика Егора Кузнецова — сосной придавило, голова всмятку!

Мужчина торопливо вытер руки ветошью и шагнул ко мне. В его низком глухом голосе не осталось насмешки — только суровая командирская сталь:

— Бумаги подождут, Анна Сергеевна. Кислород ждать не станет. Я заведующий хирургическим отделением Степан Яров. Пойдемте, я покажу вам настоящую больницу.

Он развернулся и зашагал к корпусу. Я подобрала полы пальто и побежала следом по раскисшей колее.

— Доктор Яров! — крикнула я сквозь рев ветра. — При тяжелой черепно-мозговой травме по протоколу вы обязаны вызвать борт санитарной авиации!

— Область не летает в шторм! — бросил он через плечо. — До нас сто восемьдесят километров тайги по размытой гравийке! «Скорая» туда четыре часа ползет! Парень умрет в пути!

В этот момент ворота с грохотом распахнулись, и во двор влетел трехосный лесовоз «Урал». С открытого борта четверо рабочих сняли носилки. На брезенте бился в судорогах двадцатилетний парень. Вся повязка на голове пропиталась черной кровью, лицо было синюшным, а правый зрачок расширился втрое шире левого.

— Быстро в перевязочную! — рявкнул Степан, вкатывая носилки в коридор приемного покоя. — Кузьмич, закись! Второго хирурга ко мне на стол немедленно! Где Ковалев?!

Дежурный фельдшер побелел как мел:

— Степан Андреич... Ковалев в отпуске на дальнем кордоне, связи нет! А интерн с ангиной слег! Вы один в отделении!

Степан замер. Желваки на его скулах вздулись. Оперировать открытую проникающую ЧМТ в одиночку невозможно — нужно одновременно откачивать гематому, коагулировать сосуды и удерживать костный лоскут. Он повернулся к каталке, готовый идти на верную гибель пациента.

Я решительно сдернула пальто, бросила его на скамью и шагнула вперед:

— Я кандидат медицинских наук по специальности «Хирургия». Семь лет практики в отделении сочетанной травмы областной клинической. Первым ассистентом иду я.

Яров замер. Похоже, он ожидал увидеть перепуганную столичную чиновницу, а наткнулся на холодный взгляд практикующего полевого хирурга. В его глазах вспыхнуло скупое уважение:

— Мыть руки. На второй этаж, живо!

Лифт не работал. Мы несли носилки по крутой деревянной лестнице 1912 года. На повороте старое дерево перил с жалобным треском надломилось. Молодой санитар Гриша споткнулся, носилки опасно накренились над пролетом, и голова раненого запрокинулась. Еще миг — и от смещения отломков произойдет мгновенный паралич ствола мозга.

Степан поднырнул под брезент, принимая чудовищную тяжесть на свои плечи. Я молниеносно бросилась вперед, упала на колени и обеими ладонями зафиксировала шейный отдел раненого, выравнивая ось позвоночника:

— Держи, Степан! Я держу голову! На счет три — подъем!

Мышцы его шеи натянулись канатами. Мы синхронно рванули носилки вверх и вынесли их на площадку второго этажа.

Перед входом в оперблок нам преградила дорогу старшая операционная сестра Вера Николаевна:

— Куда в уличной обуви?! Здесь стерильная зона! Вы главврач — вот и сидите в кабинете, не мешайте Степану Андреевичу!

Я не успела ответить — подошедший Яров отрезал низким, не терпящим возражений басом:

— Вера, халат и перчатки седьмой номер для Анны Сергеевны. Она идет со мной на стол первым ассистентом. Без лишних слов. Время пошло.

Вера прикусила губу и молча кивнула. Через минуту мы со Степаном уже стояли плечом к плечу у раковин, яростно намыливая руки дегтярным мылом.

* * *

Пока анестезиолог Иван Кузьмич Дронов подключал вальщика к наркозному аппарату, я сбежала вниз на первый этаж: в моем дорожном саквояже остался личный стетофонендоскоп и сосудистые микрозажимы.

Едва я коснулась каменных плит вестибюля, как входная дверь распахнулась от удара. В холл, спотыкаясь и падая на колени прямо в лужу, ввалилась молодая женщина в расстегнутом пальто — Мария Соколова из пригородной деревни Сосновка. К груди она прижимала серый пуховый платок.

— Помогите! — закричала она с раздирающим душу отчаянием. — Мишенька! Сыночек синее, он не дышит!

Я подбежала к ней, опустилась на колени и откинула угол шерсти. Трехмесячный младенец был без сознания. Лицо отливало страшным свинцово-фиолетовым оттенком, грудка не двигалась. Острая механическая асфиксия. Пульс на сонной артерии был запредельным и едва ощутимым.

— Отдайте ребенка, — быстро сказала я.

Мать в слепом приступе паники вцепилась в платок, отбиваясь ногами:

— Не отдам! Мишенька!..

Я перехватила ее запястья стальным хватом, заглянула прямо в расширенные зрачки и жестко отчеканила:

— Я врач. Если вы не отдадите мне сына прямо сейчас — через две минуты он умрет. Отпустите!

Женщина обмякла. Подхватив невесомое тельце, я вихрем влетела в малую процедурную приемного покоя.

— Детский ларингоскоп, нулевой клинок! Живо! — скомандовала я дежурной сестре, укладывая малыша на столик.

Сестра в панике перерыла стеклянный шкаф и всхлипнула:

— Нету нулевого! Детский набор на поверке в районе! Только третий взрослый остался!

Взрослым клинком у грудного ребенка можно за секунду сломать незрелые хрящи гортани. Секунды таяли. Мой взгляд упал на вымытую десертную ложку из нержавеющей стали на столе медсестры.

— Спирт!

Облив ложку спиртом, я с усилием согнула ее тонкий черенок под прямым углом. Получился идеальный анатомический шпатель. Осторожно запрокинув головку ребенка, я отжала корень языка. В свете фонарика открылась беда: прямо над голосовой щелью наглухо застряла крупная граненая стеклянная бусина.

— Пинцет!

Я попыталась подцепить скользкое стекло, но бранши соскользнули, протолкнув бусину вплотную к голосовым связкам. Ребенок замер, перестав делать даже конвульсивные вдохи.

— Тонкий катетер Нелатона! Вазелиновое масло!

Смазав кончик катетера, я ювелирным движением протиснула его сбоку за бусину в просвет трахеи, создав воздушный канал. Затем ладонью резко нажала на грудину снизу вверх.

Пневматический толчок сработал безупречно: бусина со щелчком вылетела наружу и со звоном покатила по кафелю.

Но дыхание не восстановилось. От долгой гипоксии наступил стойкий ларингоспазм и рефлекторная остановка дыхательного центра. Сердечные тоны глухо западали. Младенец умирал у меня на руках.

Не теряя ни доли секунды, я выхватила инъекционную иглу и сделала резкий укол в акупунктурную точку Жэнь-чжун под носовой перегородкой малыша. Одновременно я накрыла губами его нос и рот, сделав два осторожных вдоха объемом своих щек.

Тельце вздрогнуло. Грудка высоко взметнулась, раздался хриплый всхлип, и процедурную огласил пронзительный, чистый детский крик! Фиолетовая кожа на глазах налилась теплым розовым румянцем.

В комнату вбежала запыхавшаяся районный педиатр Елена Васильевна Смирнова, и я бережно передала ей дышащего малыша. Мария упала на колени, суя мне в карман скомканную пятитысячную купюру:

— Возьмите... все отдам, спасительница!

Я мягко подняла ее на ноги и вернула деньги:

— Спрячьте. Купите сыну безопасные игрушки. И никогда не оставляйте его без присмотра.

В дверях стояла старшая медсестра Вера Николаевна. Ее строгое лицо дрожало, в глазах стояли слезы. Она молча распахнула передо мной дверь на лестницу:

— Простите меня, Анна Сергеевна... Я думала — городская фифа приехала нас учить. А вы — доктор. Настоящий. Степан Андреевич ждет на втором.

Я вбежала по лестнице. В предоперационной адреналиновый шквал схлынул, и мои пальцы мелко задрожали от усталости. Оперировать с тремором в руках недопустимо. Я включила кран, пытаясь унять дрожь ледяной водой, но пальцы не слушались.

Сзади подошел Степан. Он достал мензурку, налил пятьдесят миллилитров сорокапроцентной глюкозы и протянул мне:

— Пей залпом.

Я выпила густую сладкую жидкость. Степан положил свои тяжелые ладони мне на плечи и уверенно, мягко сжал их. Сквозь ткань рубахи меня обдало волной такого спокойного тепла, что дрожь мгновенно растаяла.

— Ты спасла пацана, Анна, — негромко сказал он прямо мне в макушку. — Ты боец. А теперь выдохни. Вальщик на столе, и мы заберем его у смерти.

Я подняла глаза и кивнула. Холодная уверенность вернулась на место.

Кузьмич через стекло оперблока заворчал:

— Долго мы чиновницу ждать будем? Давление девяносто, мозг вклинивается!

Я с размаху толкнула дверь операционной, подняв перед собой руки в стерильных перчатках:

— Хватит болтать, Иван Кузьмич. Закись на сорок процентов, фентанил по вене. Степан Андреевич, скальпель.

Кузьмич прикусил язык и уважительно кивнул.

Глава

2

Под высоким потолком тревожно гудела старая бестеневая лампа. На столе лежал Егор. Дугообразный разрез по Оливекрону обнажил височно-теменную кость, лоскут был откинут на марлевых салфетках.

— Начинаем краниотомию, — Степан нажал педаль электрического трепана.

Сверло сделало два оборота, и в этот миг моторчик аппарата с треском испустил сног искр и заклинил: скачок напряжения сжег обмотку.

— Сгорел! — выдохнул Кузьмич.

Кость обнажена, мозг сдавлен нарастающей гематомой, а электроинструмент мертв.

— Вера! — приказал Яров. — Армейский бикс номер четыре. Быстро!

Вера со звоном сорвала крышку с металлического ящика. Степан извлек оттуда массивный стальной ручной коловорот с набором копьевидных фрез. На стали четко читалось клеймо: «ЗТВ, 1943 г.».

— Дедовский инструмент, — глухо сказал Яров. — Он не подведет.

Приставив фрезу к височной кости, Степан навалился на коловорот могучей грудью и начал мерно вращать рукоять. По операционной разнесся леденящий душу скрежет кости, перекрывавший свист ветра за стеклами. Я непрерывно орошала фрезу холодным физраствором.

Четыре отверстия были готовы за шесть минут. Степан завел проволочную пилу Джигли. И в эту секунду за окнами грохнуло: сосна во дворе рухнула на кабель подстанции, вырвав его с мясом.

Бестеновой плафон погас. Дизель заглох. Наступила гробовая, первобытная тьма. Лишь свист ветра в щелях да бульканье трубки напоминало, что на столе умирает человек.

— Никому не двигаться! — крикнул Степан. Пила находилась в ране, слепое движение грозило рассечь синусы оболочки.

Я выхватила из кармана брюк свой личный тактический светодиодный фонарь с линзой высокой четкости. Щелчок — и ослепительно белый луч диаметром ровно в десять сантиметров ударил точно в глубину операционной раны. Вера вторым фонариком подсветила шкалу наркозного аппарата.

— Свет есть! — скомандовала я. — Степан, пили!

Пила запела. Через две минуты Степан откинул костный лоскут. Под ним открылась напряженная, черная твердая мозговая оболочка без единого признака пульсации.

Но стоило мобилизовать нижний край окна, как из глубины канала с бешеной силой ударил пульсирующий фонтан алой крови. Струя толщиной в палец забила вверх, заливая рану. Разрыв средней оболочечной артерии!

— Коагулятор обесточен! — крикнул Кузьмич. — Давление семьдесят! Он истекает!

— Степан, отсос на максимум, освободи мне канал! — крикнула я. — Иглу Дешана с шелком! Костный воск!

Степан ювелирно осушил рану трубкой отсоса. За это мгновение я изогнутой иглой Дешана поднырнула под бьющий сосуд, сделала глухой восьмиобразный шов вокруг надкостницы и намертво затянула узел. Степан пальцем в перчатке вмял кусочек стерильного воска прямо в расщелину кости. Фонтан иссяк.

— Держится! Давление восемьдесят пять!

Оставалось главное — вскрыть оболочку и эвакуировать гематому.

Я держала тяжелый фонарь на весу больше двадцати минут. От страшного мышечного напряжения и холода в остывающей операционной мои пальцы свело судорогой. Луч света предательски заплясал по мозговой оболочке.

Степан держал скальпель. Одно неверное движение в пляшущем свете — и лезвие повредит двигательную кору.

Яров отложил скальпель. Он шагнул ко мне вплотную, накрыл мою замерзшую кисть своей огромной горячей ладонью и прижал мою руку к своей груди. Сквозь ткань рубахи я почувствовала мерные, мощные удары его сердца. Его дыхание коснулось моего виска, и низкий шепот зазвучал прямо в душе:

— Держи, Анечка. Ты сильная. Слышишь, как сердце бьется? Ровно. И ты дыши ровно. Я держу тебя.

Тепло его тела хлынуло в меня живительной силой. Рука стала неподвижной как гранит. Я подняла фонарь: луч замер точно в центре раны.

— Я держу, Степан. Вскрывай.

Скальпель рассек оболочку крестообразным разрезом. Из раны под давлением вывалился огромный темно-вишневый сгусток свернувшейся крови — более ста пятидесяти миллилитров.

Степан взял шприц Жанэ, а я тонкой струей теплого физраствора бережно вымыла остатки сгустков из борозд коры. И на наших глазах сдавленный синюшный мозг расправился, порозовел и начал ритмично, мощно пульсировать в такт биению сердца!

— Есть пульсация! — радостно выдохнул Кузьмич.

Но от кровопотери давление Егора рухнуло до пятидесяти.

— Коллапс! — забил тревогу анестезиолог. — Плазмы его группы нет!

— Вера! — крикнула я. — В моем узике в серебристом чемодане четыре флакона шести-процентного «Волювена»! Быстро!

Через пять минут плазмозаменитель уже капал в подключичную вену. Объем крови восстанавливался, давление поднялось до ста десяти.

Отекший мозг не позволял вернуть костный лоскут на место. Степан принял классическое решение по Кушингу: костный фрагмент мы уложили в подкожный карман на животе Егора для консервации, а дефект черепа закрыли надкостницей.

Мышили рану в четыре руки. Последний узел был завязан, когда Егор сделал первый самостоятельный глубокий вдох.

— Выкарабкался, — прошептал Кузьмич.

Степан поднял на меня глаза над маской. В их серой глубине светилось бездонное, теплое восхищение.

* * *

Пять часов утра. Буря за окнами выдохлась, сменившись густым туманом над рекой Быстрицей. Егор спал в палате под присмотром Кузьмича с ровным, глубоким дыханием.

Я вышла в полутемный коридор второго этажа. Промокший хирургический костюм лип к телу, ноги подкашивались, меня била крупная дрожь от холода. Дойдя до двери с табличкой «Ординаторская хирургии», я толкнула ее и вошла.

В комнате было темно и стыло. Я прислонилась лбом к косяку, пытаюсь одеревеневшими пальцами расстегнуть пуговицы на вороте куртки, но они выскальзывали.

Сзади слышались шаги. В ординаторскую вошел Степан. Он уже переделся в темные брюки и тонкую майку, подчеркивавшую его мощные плечи. Увидев мои тщетные попытки справиться с пуговицами, он тихо подошел вплотную.

— Дай сюда, — мягко сказал он.

— Степан Андреевич, я сама... — попыталась возразить я, отступая на шаг.

Он ничего не ответил. Лишь осторожно отвел мои ледяные руки, и его теплые шершавые пальцы ловко и бережно расстегнули пуговицу за пуговицей. В этом не было ни капли пошлости — только чистая, оберегающая забота сильного мужчины. Я замерла, чувствуя, как краска заливает щеки.

В углу темнела старинная голландская печь. Дрова в ящике оказались сырыми от косого дождя.

— Сейчас согреемся, — произнес Степан.

Опустившись на колено у печи, он приподнял половицу и достал из тайной ниши сухую бересту и лучины. Чиркнула спичка. Огонь занялся мгновенно, брызнув веселыми искрами. Через пять минут чугунные бока голландки загудели, комната наполнилась сладким березовым духом и живым теплом.

Я опустилась на старый пружинный диван, обхватив плечи руками. Озноб все еще сотрясал меня. Пытаясь удержать привычную начальственную маску, я заговорила севшим голосом:

— В девять утра я соберу пятиминутку... Надо составить дефектную ведомость на электросети...

Степан молча снял со спинки стула свой свитер — огромный, грубой деревенской вязки из серой овечьей шерсти. Подойдя, он опустился на корточки передо мной и бережно набросил его мне на плечи. Свитер укутал меня до самых колен, пахнувший морозом, сухой травой и его надежным мужским теплом.

Вся моя столичная броня рухнула в прах. Голос мой дрогнул:

— Господи, Степан... Если бы ты знал, как я устала от лжи. Меня ведь выжили из областного центра. Человек, с которым мы восемь лет были вместе, писали диссертации... Он просто украл мою монографию и сдал меня комиссии ради кресла замминистра. Я думала, что настоящей медицины больше нет. Что кругом только грязь и карьера...

Степан снял с плиты закипевший чайник. В эмалированную кружку он бросил горсть сушеных ягод из холщового мешочка и залил кипятком. Густой аромат таежной земляники заполнил ординаторскую.

Он протянул кружку мне, сев на край дивана:

— Пей. Сам собирал на вырубках.

Я сделала глоток обжигающего взвара. Терпкая сладость разлилась по телу.

— Степан... Ты ведь хирург высшей пробы. Твои руки стоят миллионов. Почему ты здесь, в этой глуши? Тебя бы оторвал любой столичный институт.

Лицо Ярова потемнело. Он сжал кулаки, глядя в огонь:

— Десять лет назад здесь, на этом столе, умерла моя сестренка Аленка. Пятнадцать лет ей было. Аппендицит с перитонитом. Единственный хирург запил, а санавиация не доехала — мост размыло. Я тогда ординатуру в Военно-медицинской в Питере заканчивал. Приехал на похороны, встал над ее холмиком и дал клятву: пока я жив, ни один человек в Зареченске не умрет просто потому, что некому встать к столу. Вот и вся моя академия, Анна Сергеевна.

Я смотрела на него с благоговейным преклонением. Передо мной был настоящий, несокрушимый человек.

Степан повернулся ко мне, и взгляд его стал предельно строгим:

— Ты должна знать правду, зачем тебя прислали. Не для порядка. Областной замминистра Копылов и хозяин района депутат Мухин задумали ликвидировать ЦРБ. У больницы золотая земля — шесть гектаров парка у реки и железнодорожная ветка. Мухин хочет постро-

ить тут зерновой терминал для холдинга «Заречье-Агро». Тебя отправили подписать акт об аварийности и закрыть больницу. Откажешься — Мухин сотрет тебя в порошок.

Я медленно опустила кружку на стол. Горячая волна ярости и решимости вытеснила остатки слабости. Я посмотрела прямо в серые глаза Степана и твердо сказала:

— Меня нельзя купить, Степан. И запугать нельзя. Мы не отдадим им эту больницу. Ни одного кирпича. Будем драться вместе. До победы.

Степан замер. Затем его суровые губы дрогнули, и он впервые улыбнулся — открыто, светло и тепло. Он накрыл мои пальцы своей огромной горячей ладонью:

— Значит, повоюем, доктор Власова.

Тепло печи и запах земляники убаюкали меня. Веки налились свинцом:

— Надо... записать протокол операции...

Степан осторожно забрал кружку, уложил меня на подушки дивана и укрыл тяжелым овчинным тулупом.

— Спи, доктор, — донесся сквозь сон его шепот. — Я на посту.

Я провалилась в целительный, глубокий сон.

...Сквозь тяжелую дрему в ординаторской до меня донесся резкий шорох гравия под колесами на больничном дворе. В половине седьмого утра к главному крыльцу подкатил тяжелый черный джип депутата Мухина. Хлопнула дверца. Я приподнялась на локте, с трудом разлепляя веки: тяжелые, неторопливые шаги Степана прозвучали по дощатому полу коридора, и скрипнула наружная дверь.

Я подошла к высокому стрельчатому окну, придерживая на плечах теплый овечий тулуп. На морозном рассветном воздухе у ступеней стоял лощеный секретарь Мухина, Игорь Решетников — в дорогом пальто, с тисненой кожаной папкой в руках. Но путь ему намертво заслонял Степан Яров. Он возвышался на крыльце в расстегнутом халате, скрестив могучие руки на груди, подобно неприступной гранитной скале.

До меня отчетливо долетели их голоса:

— Куда прешь? — спокойно, с обманчивой тишиной в голосе спросил Степан. Решетников вскинул подбородок:

— Я от Виктора Платоновича Мухина! К новому главному врачу! Срочный документ на подпись!

Степан медленно подался вперед, нависая над щеголем всей своей исполинской мощью:

— Главврач спит после тяжелейшей ночной операции. Человека с того света вытащила. Разворачивайся, Решетников, и передай своему Мухину: приемные часы у Анны Сергеевны — с десяти утра. И только по предварительной записи. Пошел вон с больничного двора.

Решетников побелел, судорожно втянул голову в плечи, попятился вниз по ступенькам и поспешно юркнул в салон джипа. Автомобиль с визгом покрышек рванул за чугунные ворота.

Степан глубоко вдохнул морозный утренний воздух, посмотрел на занимающуюся за рекой зарю и тихо запер дверь изнутри на тяжелый засов, оберегая мой покой и честь нашей больницы.

Я опустилась обратно на диван, укуталась в тулуп и закрыла глаза. Теперь я точно знала: пока Степан рядом — мы выстоим.

Глава

3

Я проснулась от запаха березового дыма и свежесваренного чая с чабрецом.

На мне лежал тяжелый, пахнущий морозом и овчиной тулуп Степана. В узкое окно ординаторской било холодное, промытое до синевы утреннее солнце. Тело ныло после ночной тре-

панации, но в голове стояла звенящая ясность. Никакой столичной тревоги, никакого привычного гула Литейного проспекта — только мерное гудение топки за перегородкой да тихий скрип чьих-то шагов.

Я откинула овчину, поправила халат и пригладила волосы. Восемь утра. Время обхода.

В палате интенсивной терапии пахло камфорой. На высокой койке лежал Егор. Монитор, питавшийся от урчавшего во дворе дизеля, чертил ровную зеленую кривую пульса — семьдесят два удара. Дыхание парня было спокойным, повязка на виске оставалась безупречно сухой.

Возле кровати на табурете сидела пожилая женщина в выцветшем жакете — его мать, Марья Ивановна. Ее сухие узловатые пальцы побелели от напряжения, сжимая край пододеяльника. В ногах койки высился бригадир лесорубов Семеныч в тяжелых кирзовых сапогах, пахнущих дегтем.

Я подошла к изголовью, щелкнула фонариком и отвела веко парня. Зрачки сузились синхронно, живо. Следы ночной анизокории не осталось. Отек мозга отступал.

— Зрачковые рефлекс в норме, — сказала я мягко. — Угроза смещения ствола минувала.

Женщина вздрогнула, подняла на меня заплаканные глаза и вдруг соскользнула с табурета прямо на крашеный пол, пытаясь обнять мои колени:

— Доченька... Родная... Сказали, из самого Питера приехала, ночью впотьмах голову ему шила... Живой он!

Казенный регламент обхода рассыпался. Я мгновенно опустилась на колени рядом с ней, настойчиво поднимая ее под локти:

— Марья Ивановна, перестаньте, встаньте. Мы сделали то, что были обязаны. И жив он благодаря Степану Андреевичу — это его руки держали фрезу.

Дверь скрипнула. На пороге стоял Яров — в свежем хирургическом костюме, чисто выбритый, с мокрыми после умывальника волосами. Мать Егора всхлипнула и шагнула к нам, сгребая обоих в одно горячее объятие.

Мы со Степаном оказались прижаты друг к другу лицом к лицу. Мой лоб уткнулся в жесткую ткань его ворота, и сквозь нее я отчетливо слышала глухой, мощный стук его сердца. Его ладонь легла мне на спину, бережно поддерживая, и по позвоночнику пробежала обжигающая волна тепла. Он не отстранился, пока женщина не разжала руки.

Семеныч кашлянул в кулак и торопливо вытащил из штормовки пухлый белый конверт:

— Степан Андреич... Мужики с делянки собрали. За Егорку. Сколько наскребли. Возьми, ради Христа. На лекарства, на жизнь...

Лицо Ярова окаменело. Густые брови сошлись к переносице:

— Ты в уме, Семеныч? С каких пор я за кровь оброк беру? Убери.

Бригадир растерянно замер. Я коснулась локтя Степана, гася его гнев, и повернулась к лесорубу:

— Степан Андреевич прав, денег мы не берем. Но ночью дизель сжег весь резерв топлива. Если упадет городская подстанция, у нас погаснут аппараты в реанимации и родильном. Хотите отблагодарить — привезите больнице солярку. Тонну зимнего дизеля.

Бригадир с размаху хлопнул себя по бедрам:

— Да чтоб мне провалиться! К полудню цистерна леспромхоза будет во дворе! Лично за баранку сяду!

На койке послышался шорох. Егор зашевелился, приоткрыл глаза и тяжело закашлялся — трахея была раздражена трубкой наркозного аппарата. При каждом толчке внутричерепное давление грозило подскочить и сорвать шов.

Степан среагировал мгновенно: его тяжелая ладонь легла на грудь парня, надежно фиксируя диафрагму:

— Тише, лесоруб. Не напрягайся.

Я достала из лотка стерильное персиковое масло:

— Дыши носом, Егор. Горло сейчас отпустит.

Две масляные капли смягчили спазм глотки. Парень обмяк, нащупал руку матери и еле слышно прошептал:

— Спасибо... доктор...

Когда мы вышли в ординаторскую, на столе уже высилась плетеная корзина под вышитым льняным рушником. Возле нее переминались старшая сестра Вера и санитарка тетя Клава. От корзины шел одуряющий аромат свежего сдобного теста, топленого масла и творога.

— Марья Ивановна напекла, шанежки зареченские... — робко пробормотала тетя Клава. — Мы вот не знаем, Анна Сергеевна, кушаете ли вы такое... Вы ведь из столицы, у вас там круассаны небось...

Чиновничья дистанция грозила заморозить отношения. Я сдернула рушник, взяла обеими руками пышущую жаром шанежку и откусила сразу половину. Румяная корочка хрустнула, обнажая тающий творог.

— Господи, тетя Клава, — выдохнула я с набитым ртом. — Никакой Париж рядом не стоял! Ставьте чайник, живо!

Ординаторская наполнилась радостным смехом. Стена отчуждения рухнула.

В разгар чаепития в дверь влетел дежурный терапевт:

— Степан Андреевич, Анна Сергеевна! В четвертой палате дед Федот буянит! Тахиаритмия под сто шестьдесят, а он сестру со шприцем кордарона костылем гоняет! Требуется Ярова!

Мы поспешили в терапию.

На сетчатой койке сидел жилистый старик с копной белых волос и свирепыми бровями. Он хрипел, упершись рукой в бок, а клюкой грозно целился в угол:

— Не дамся! Колют воду! Только Степка знает, где у меня в груди заедает!

Степан спокойно перехватил клюку, опустил ее и сел на край кровати:

— Федот Кузьмич, прекрати бунт. Познакомься: наш новый главный врач, Анна Сергеевна, светило из Петербурга. Она лично этот укол разработала. Откажешься — гостью кровно обидишь.

Дед прищурился, оглядел меня с ног до головы, заметил, как Степан придерживает меня за талию, пропуская к постели, и хитро осклабился:

— Ишь ты... Так это невеста твоя, Степушка? Что ж молчал? Ну, раз Степанова невеста — коли, красавица! Под твою руку я хоть под поезд лягу!

Щеки у меня вспыхнули пунцовым жаром. Степан кашлянул в кулак, пряча улыбку, но опровергать слова старика не стал. Я перетянула жгутом сухую вену и плавно ввела кордарон. Через минуту бешеный ритм под моими пальцами начал сменяться мерной, ровной волной.

— Вот... рука легкая, — забормотал старик, смежая веки. — Земская баба...

На обратном пути через парк навстречу нам выбежал взмыленный завхоз Михалыч:

— Анна Сергеевна! Прачечная встала! В барабане подшипник разнесло в пыль! Белье стирать нечем, а казначейство денег не дает!

В этот момент больничные ворота распахнулись: во двор с ревом вкатился бензовоз лес-промхоза, а за ним — кран-манипулятор с мужиками. Семеныч прыгнул на землю:

— Принимай тонну арктической солянки! А с мотором чего воете? Сдергивайте барабан на платформу! К вечеру на базе токари новый вал выточат и японские подшипники запрессуют. Век простоит!

Лесорубы споро скрутили мотор. Беда разрешилась за пять минут.

На крыльце я перевела дух, опершись о перила:

— Степан... Надо попросить Михалыча поставить раскладушку в кабинете. Не могу же я вечно занимать диван в ординаторской.

Степан вынул из кармана связку ключей на медном кольце:

— Никаких раскладушек, Анна. В глубине парка стоит служебный флигель главврача. Земский сруб, мореная лиственница. Забирай чемоданы. Я помогу протопить и обустроиться.

* * *

Флигель прятался в чаще вековых лип. Добротный одноэтажный дом на бутовом фундаменте, с резными карнизами, простоял под замком два года. Ступени поросли бархатным мхом и утопали в палой листве.

Степан вставил ключ в массивный висячий замок. Металл заскрежетал, раздался звонкий щелчок — ушко ключа обломилось в скважине.

— Закисло, — буркнул он.

— И что делать? До понедельника ждать слесаря? — поежилась я. Вечер стремительно леденел.

Степан отступил на шаг, повел плечами и всем своим стокилограммовым весом коротко ударил в дверь плечом. Раздался оглушительный треск вырываемых скоб, звон лопнувших гвоздей — и створка с грохотом распахнулась.

— Перед уходом новый засов врежу, — усмехнулся он. — Заходи.

В горнице царил сырой могильный холод. Пахло пылью и сухой полыньей. Сквозь мутные стекла синел вечер, очерчивая круглую голландскую печь из красного кирпича и железную кровать.

Степан сбросил куртку, оставшись в ситцевой рубашке с расстегнутым воротом. Отыскал в сенях веник, ведро, распахнул форточки и за десять минут мощными движениями вымел паутину, смахнул вековую пыль с подоконников и широких половиц.

Он открыл чугунную дверцу печи, бросил бересту и чиркнул спичкой. Пламя занялось, но через секунду из жерла повалил едкий сизый дым, заполнив комнату. Мы оба зашлись кашлем.

— Тяги нет, — констатировал Степан, заглядывая во вьюшку. — За лето стрижи гнезд набили, трубу забило сажей.

Он вышел и вернулся с пудовой чугунной гирей на стальном тросе. Через минуту с крыши донеслись тяжелые шаги. В кирпичном нутре печи что-то ухнуло, заскрежетало, раздался удар — и в поддувало с грохотом рухнул ком саж и веток. В трубе проснулся утробный, гудящий вой живой тяги.

Спустившись с чердака перепачканный копотью, Степан заложил березовые поленья из сеней. Но промерзшие дрова лишь зашипели серым паром и начали гаснуть.

— Отсырели насквозь.

Он ушел во двор и вернулся с огромной охапкой смолистых сосновых чурок из личной бани. Топориком наколот их на тонкую щепу, уложил пирамидой и поднес спичку.

Сухая сосна вспыхнула порохом. Огонь взревел, колосники раскалились до вишневого свечения, кирпичные бока печи стали медленно отдавать накопленный жар. По горнице поплыло живое хвойное тепло.

Но от двойных рам тянуло холодом — занавески вздрагивали от ветра.

Степан достал моток шерстяного войлока, штапики и молоток. Встав на колени перед подоконником, он принялся аккуратно пробивать пазы. Я опустилась рядом, подавая гвоздики. Его твердое плечо касалось моего, от его разгоряченного тела веяло жаром и таежной хвоей. Вскоре сквозняк затих, и в комнате воцарилась прозрачная тишина, нарушаемая лишь треском углей.

— Пойду сундук принесу, — поднялся он.

— Я помогу!

На крыльце стоял мой сундук с монографиями и архивными выписками. Я ухватила за ручку, потянула, каблук попал на трухлявый край ступени. Доска с треском проломилась, нога соскользнула, и я полетела спиной вниз на острые камни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.